

«Лишний билетик» спрашивали у метро. Несли в зал гвоздики, астры, розы... А потом еще за закрытым занавесом возникла мелодия «Танцующих эвридик» — ее звездной песни, и мы снова увидели Анну Герман, снова услышали ее чарующий голос — высокое чистое сопрано.

Когда-то, семь лет назад, я спешил на этот голос: ус-

ленный микрофонами, он летел над варшавскими Лазенками — певица стояла на эстраде, окруженной водой, в самом центре старинного парка. Это был один из первых концертов после той автомобильной катастрофы в Италии, после трех лет на больничной койке... У меня хранится ее подарок — книга, которую она написала там же, в па-

лаге, и назвала «Вернусь в Сорренто!». Знак вопроса — потому что тогда было совсем не ясно, сможет ли вернуться в Сорренто, где раньше довелось много выступать. Она вернулась! Да, все одолела, все вынесла и вернулась — и в Сорренто, и в Варшаву, и на неские берега...

И вот она снова в Ленинграде. Прилетела под утро,

не отдохнула как следует, а уже днем — первый концерт, и сейчас — второй... На сцене — только двое: Анна Герман и замечательный ее аккомпаниатор, тонкий музыкант Рышард Сивий. Она сама ведет программу, впрочем, «ведет» — не то слово. Просто Анна размышляет вслух — о себе, о песне, о жизни, и

столько в этих словах, в этой интонации доверительности, чистоты и доброго, мягкого юмора, что для каждого в зале она сразу же из известной певицы становится просто очень близким и понятным человеком.

Вконец уставшая, все равно не может отказать после концерта и в интервью...

А УДАЧА — НАГРАДА ЗА СМЕЛОСТЬ

— Сколько же, пани Анна, вы у нас не были!

— Уже три года...

— И что за эти три года в вашей жизни было самым существенным!

— Самое существенное — у меня родился сын. Два с половиной года сидела дома, растила Збышека и теперь помаленьку возвращаюсь к моим песням и слушателям. Это мой первый приезд: получила дома отпуск на целый месяц...

— Ну и как Збышек вас отпустил, спокойно!

— Нет, мне вообще трудно выходить из дому... Я ему обычно говорю: «Ты не плачь, будь веселым, я тебе танк принесу...». Он говорит: «И трактор...». Я прощаю: «Ладно, и еще один трактор...». (Он у меня, наверное, будет большим техником!) Збышек все это слушает, а потом вздыхает: «Лучше все-таки оставайся дома»... Когда по телефону из Москвы сообщают о том, что первый концерт будет у космонавтов, в Звездном городке, очень обрадовалась, а Збышек принес игрушечную космическую ракету и просит: «Возьми меня. С этой ракетой я там буду очень полезен»... Знаете, в Звездном я выяснила,

что, оказывается, самая «космическая» песня — это «Надежда»...

— Пахмутова с Добронравовым ее ведь написали специально для вас! И песня «Эхо», которую мы услышали в кинофильме «Судьба», написана для вас тоже!

— Да. (Улыбается.) Во всяком случае мне так сказали... Евгений Птичкин вообще пишет чудесную музыку. Кроме «Эхо», он мне подарил еще одну песню, и я ее записала на пластинку — такой грустный осенний романс, но в современном стиле, называется: «Вы хорите мне что-то сказать...».

— Что вы прежде всего ищете в песне!

— Мне нужно, чтобы в словах была какая-то очень дорогая, очень важная мысль. А потом еще хорошо, если музыка, как это по-русски..., «адекватна до слух»...

— И по-русски тоже так адекватна словам...

— Да, так вот тогда уж, при таком совпадении, мое счастье велико...

— В общем, вероятно вам прежде всего нужны истинные песни, а не шлягеры!

— Я с вами не согласна (смеется). Потому что шлягер в хорошем значении —

прекрасная вещь... В Москве, как только приехала, меня сразу встретил Владимир Шаинский и подарил шлягер — «Невесту» (сегодня я ее пела) и еще две подобные песни. Казалось бы, они чуть-чуть похожи на что-то, но такое впечатление обманчиво: они просто запоминаются легко, а это люди любят... Конечно, песни, созданные на основе высокой поэзии, великолепны (такие, как поет, например, наша Эва Демарчик), но это — песни праздничные, это не на каждый день. А ведь людям еще нужны и будничные песни. Ведь жизнь не очень легкая, у каждого свои проблемы, и от этих проблем надо отвлечься, просто немножко рассеяться. Поэтому еще раз повторяю: хорошие шлягеры очень нужны.

— В концерте вы исполняете «Из-за острова на стрежень». А ведь эту песню, кажется, на всем белом свете поют только мужчины, да и то не все, а лишь те, кто обладает густым басом!

— О-о-о... Тут целая история. В детстве, знаете, я мечтала стать оперной певицей. Но профессор музыки, бывшая примадонна вроцлавской оперы, прослушав меня, сказала: «Доченька, этот номер не пройдет. Запомни, что самые чувствительные существа на земле — мужчины, и при твоём росте почти в 190 сантиметров ни один настоящий мужчина, тем более тенор, не захочет стоять рядом...». Я все-таки стала певицей, хотя и не оперной. Правда, чтобы не смущать мужчин, стараюсь выступать одна. Но вот когда принимаю участие в сбор-

ных концертах, где в финале обычно мужчины и женщины вместе выходят на поклон, знаете, пара за парой, то у меня, как правило, партнера все-таки не находится. Например, Ежи Поломский — такой хороший товарищ, а тут все равно за кулисы прячется... Только один отважный однажды нашелся — замечательный наш артист Ян Коциняк. Сам он, как говорится, «метр с шапкой», так вот посмотрел на меня снизу: «Ну что, маленькая, опять тебя никто не берет?», взяв за руку и вывел на поклон.

Вот я и решила: если мужчины не могут со мной работать на сцене, я возьму их мужской репертуар. И подготовила «Из-за острова на стрежень»...

— Слушая ваше выступление, я подумал вот о чем. Сейчас некоторые певцы откровенно прячут свои исполнительские недостатки за мощным звучанием электроинструментов. Слава богу, вам не надо хвататься за подобную «соломинку». Более того, на этот раз вы вообще отказались от оркестра: только роль...

— Знаете, я недавно записала хорошую песню композитора Добрынина: «Если перед вами две дороги, по одной из них идти трудней. Будьте к своему желанью строги и идите именно по ней...». Я так подумала: это, конечно, поймут лишь музыканты — как адски трудно петь концерт под аккомпанемент одного фортепиано. Но зато я свободна, как птица, и могу сказать слушателям все, о чем душа желает...

— Сегодня на концерте еще раз понял, что слушатель у вас очень верный и благодарный. Интересно, а какой зрительский отклик самый памятный!

— Не знаю... Хотя вот, пожалуй, такой случай... Этой весной купила сыну игрушку: лошадь-качалку. Жду такси, чтобы отвезти подарок домой, а рядом тоже ожидают машину родители с девочкой. Вдруг девица спрашивает по-русски (видно, приехала погостить в Польшу с папой и мамой из Советского Союза): «Можно, я покажусь?». Отвечаю: «Можно». Покачалась она и говорит: «Хочешь, я тебе за это спую свою самую любимую песню?». И как затянет на всю улицу: «О-дин лишь ра-а-аз сады две-е-тут...». Послушав девочку, я решила взять эту старую уже песню в гастрольную поездку.

— Вы к нам прилетели из Одессы. Известно, как трудно «пройти» в Одессе. Хорошим голосом одессита не удивишь, ведь он, по его глубокому убеждению, «слышал всех»...

— Да-а, я знала, как опасно там... И эти опасения, между прочим, подтвердились: одесситы задержали нас на лишний день, придурили, что на Ленинград нет самолета. Пришлось дать еще два концерта... Но все равно, при всем уважении к одесситам, больше всего всегда скучаю по ленинградскому слушателю, — наверное, самому тонкому и чуткому на земле...

Л. СИДОРОВСКИЙ.

Ленинград.